

НАУЧНЫЕ И РЕФЕРАТИВНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К.Л. Ерофеева

Оценки, которые дают философы и социологи информационному обществу как специфическому типу социального мироустройства, весьма противоречивы. Они варьируются от апологетических до безусловно негативных. Однако наиболее глубокие мыслители показывают диалектическую противоречивость информационного общества, амбивалентность его влияния на человека. Э. Кассирер еще до перехода цивилизации в информационную или постиндустриальную стадию усмотрел в ней тенденции, которые в полной мере обнаружились лишь сейчас и выражают суть антропологических последствий информатизации. Он показал, что современная цивилизация углубляет сущностную способность человека к творению символов и оперированию ими. Человечеством на протяжении его истории сплетается некая «символическая сеть... Прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя» [8. С. 471]. Из контекста этого и подобных ему фрагментов видно, что Кассирер отнюдь не отрицает правомерности информационного или постиндустриального общества. Он не просто признает закономерность изменений, порожденных новейшей техногенной цивилизацией. Автор убежден, что эти изменения вытекают из самой сущности родового человека, а следовательно, они *достойны существования*. Д. Белл, который явился одним из создателей концепции постиндустриального общества, говорит приблизительно о тех же процессах. По его мнению, такой тип общества знаменует собой появление «новых осевых структур и новых осевых принципов». Происходит «переход от товаропроизводящего общества к информационному обществу, или обществу знаний, а в самих формах производимых знаний — сдвиг по оси абстрактности от эмпиризма или метода проб и ошибок, к теории и кодификации тео-

ретического знания ради управления потоком нововведений и формулирования политики» [1. С. 661]. Американский социолог видит опасности и несовершенства этого специфического социального образования. [1. С. 663—664]. Тем не менее, он также подчеркивает имманентную связь информационного общества с родовой человеческой сущностью. В культуре, — утверждает он, — есть «диалектика ограничения и освобождения», что проявляется в любом типе общества, в том числе — и в современном. Белл считает, что сама культура есть ни что иное, как «повторяющаяся попытка «я» выйти «за пределы», достичь определенной формы экстаза (ex-stasis — это оставление тела), расширить «я» до бесконечности...» [1. С. 648]. Можно полностью присоединиться к такому пониманию культуры вообще и сущности информационной цивилизации в частности. Человек амбивалентен, одинаково открыт созиданию и разрушению, добру и злу. Поэтому с необходимостью амбивалентны все ценности культуры, ибо они суть способы и формы реализации человеческой сущности. Говорить о том, хорошо или дурно какое-либо значительное социальное явление, можно лишь в контексте строго определенной проблемы. Вне такого контекста из области научного анализа мы неизбежно переходим в область профанации.

В научной литературе можно проследить определенную тенденцию: по мере развития информационного общества, развертывания его противоречий оценки становятся все более жесткими, негативными. Подчеркивая в целом одни и те же специфические особенности этого общества, авторы в разные периоды придают им различные аксиологические акценты. Так, один из создателей проекта информатизации, разработанного в Токийском технологическом институте, как некоторые считают, автор самого термина «информационное общество» Ю. Хаяши на рубеже 60—70-х годов подчеркивал, что в обществе нового типа «производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества». Он считал, что это будет общество, «где компьютер даст людям доступ к надежной информации, избавит от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства» [15. С. 5]. Таким образом, на заре существования идеи, как обычно бывает, преобладают ожидания всевозможных благ и новых перспектив для человечества. Еще не обнаруживается тревоги, опасений по поводу возможных негативных последствий. Сказывается, естественно, и то обстоятельство, что апологеты информатизации сами принадлежали к интеллектуальной и административной элите, обеспечивающей научно-технический прогресс в данной сфере. Например, И. Масуда, глава Института информационного общества и один из авторов «Плана информационного общества», представленного правительству Японии в 1971 году, рассматривал предстоящую трансформацию человеческих ценностей и общественных отношений исключительно оптимистически. Он утверждал, что такое общество станет бесклассовым и бесконфликтным, правительство и государственный аппарат в нем станут небольшими, необременительными для налогоплательщиков. В отличие от индустриального общества, характерной ценностью которого было потребление товаров, в информационном обществе, — прогнозировал он, — такой

ценностью должно стать время, что приведет к возрастанию роли культуры и досуга [22. С. 29].

Но уже в 70—80-е годы появляется и критика информационного общества, поскольку ни тогда, ни, к сожалению, сейчас, подобные радужные прогнозы не получили убедительного подтверждения в социальной действительности. В частности, комплексное, многоплановое исследование, проведенное группой французских специалистов в середине 70-х годов и представленное в книге С. Нора и А. Минка «Компьютеризация общества. Доклад президенту Франции», содержит критику излишне оптимистической позиции Белла и указания на новые опасности, подстерегающие на пути движения к информационному обществу. Названные авторы, например, предвидят опасность упрощения языка электронно-опосредованных коммуникаций и негативные культурные последствия такого упрощения [23. С. 131]. Еще одну новую опасность, порожденную реальностью информационного общества, ряд мыслителей конца XX века усмотрел в переизбытке моделей, имитаций, симулякров реальности. Об этом так или иначе говорят Ж. Делез, Ж. Батай, Ж. Деррида, Ж. Лиотар, Ж. Бодрийар. Последний автор усматривает в информационном обществе лишь симуляцию реальности, ведущую к расшатыванию социальной системы [3]. О специфике урбанистической цивилизации 80-х годов XX века он пишет с явным неодобрением: «Город перестал быть политико-индустриальным полигоном, каким он был в XIX веке, теперь это полигон знаков, средств массовой информации, кода. Тем самым, суть его больше не сосредоточена в каком-либо географическом месте, будь то завод или даже традиционное гетто. Его суть — заточение в форме/знаке — повсюду» [3. С. 157]. Таким образом автор подчеркивает «призрачность», «не подлинность» социального бытия в новых условиях информационного мира. Еще более категоричен в развитии этой мысли и оценке информационного общества современный отечественный автор Д.В. Иванов. По его мнению, атрибутом такого типа общества является «развеществление» всех сфер социальной жизни, а это пагубно сказывается на самой сущности человека. «Если овеществление, — утверждает он, — результат реализации ценностей, то развеществление означает их деактуализацию» [6. С. 299]. В результате в экономической, политической, эстетической, интимной сферах жизни происходит лишь симуляция какой-либо ориентации, самоидентификации. При этом «институциональный строй общества симулируется, а не ликвидируется, так как он — удобная и понятная среда существования циников» [6. С. 301]. Действительно, проблема «симуляции» — это реальная и достаточно острая проблема, порожденная спецификой информационного общества. У человека появляется возможность испытывать квази-эмоции (в процессе виртуальных игр), заниматься квази-бизнесом (биржевые и прочие спекуляции, приобретающие в компьютерную эпоху поистине глобальный размах), испытывать квази-приязанности в результате квази-общения (общение с электронными устройствами, виртуальными личностями).

Тем не менее, категорически нельзя принять утверждение, что современное общество противоречит человеческой сущности, способствует «расчеловечива-

нию» человека. Информационное общество, как и прочие типы (традиционное, индустриальное) выражает человеческую сущность противоречиво, неполно, часто односторонне — но не более чем они. В одних и тех же аспектах информационного общества можно усмотреть тенденции, уводящие в сторону от родовой сущности человека, и в то же время, напротив, — более благоприятные условия для реализации этой сущности. В частности, вышеупомянутую «виртуализацию» некоторых видов деятельности и отношений нельзя рассматривать лишь как искажение человеческой сущности. В этом явлении реализуется сущностное стремление человека к игре, происходит «очеловечивание» мира техники, порожденного самим человеком, его творческими потенциями. Как справедливо отмечает отечественный исследователь феномена техники В.М. Розин, виртуальная реальность имеет общие черты одновременно и с физической реальностью (которую она изображает, имитирует), и психической (мечтами, сновидениями), и с художественной (ибо в ней также присутствует квази-вовлеченность субъекта, игровой компонент) [16]. Это означает, что в виртуальной реальности компьютера присутствуют одновременно такие разнообразные возможности для реализации человеческой сущности, как игра, эстетическое переживание, моделирование практической деятельности.

Сравним специфику информационной эпохи со спецификой непосредственно предшествовавшей ей во времени эпохи индустриальной. Легко увидеть, что информационная эпоха при всей ее конфликтности и проблематичности все же более отвечает сущности человека, ибо из придатка машины (конвейерное производство и прочие виды труда в условиях фабрики) превращает трудящегося в «собеседника», «партнера» машины. Условия труда в информационной цивилизации если не предполагают такого отношения с необходимостью, то, по крайней мере, предоставляют такую возможность. Правда, активность компьютерного пользователя — это почти исключительно «мозговая» активность. Телесных усилий, в отличие от активности токаря или прядильщицы индустриальной цивилизации, она не предполагает. Как формулирует В.А. Кутырев, «в информационном мире активность человека проявляется, прежде всего, как активность духа. Это активность головы профессора Доуэлла, своеобразный церебральный онанизм» [10. С. 90]. Но разве одностороннее использование своих духовных возможностей в ущерб телесным не более отвечает специфике и сущности человека, нежели наоборот — использование только мускульной силы? Работник эпохи раннего капитализма — это лишь «говорящее орудие». Не только характер, но и условия труда не позволяют ему сохранять свою индивидуальность и человеческую целостность. Например, чрезмерно продолжительный рабочий день, утомительность монотонных действий не оставляют возможности для саморазвития субъекта даже вне рабочего времени. Нельзя, разумеется, отрицать, что и работа за компьютером отличается известной монотонностью. В ней сохраняется и повышенная утомляемость. Однако, во-первых, информационное общество оставляет для субъекта труда в целом больше свободного времени, а во-вторых, работа за компьютером, даже в качестве пользователя, содержит для индивида значительно больше развивающих моментов, чем работа на станке. Что же касается програм-

мистов высокого уровня, о которых, очевидно, и говорит в цитированном фрагменте В.А. Кутырев, то для них способы самотрансцендирования становятся все более разнообразными. Это создает не только новые преимущества, но и новые социальные проблемы, опасности. Например, это опасность внедрения «хакеров» в сферу управления военными ресурсами какой-либо страны, в финансовые структуры, в работу СМИ, в частную жизнь граждан.

Мало кто сегодня оспаривает уникальный, экстраординарный характер социогенных проблем, угрожающих самому выживанию человечества как живого вида. Кроме сугубо материальных причин такого положения (невиданная ранее техническая мощь человечества), это объясняется причинами духовного порядка: резким несоответствием между новыми социальными реалиями информационного мира и старыми системами ценностей, господствующими как в западной, так и в восточной (мусульманской) цивилизации. Таким образом, кроме специфических именно для информационной цивилизации противоречий, налицо противоречия иного рода. На этом основании некоторые современные авторы вовсе не признают эпитет «информационное» в качестве определяющего по отношению к нынешнему типу общества. Они предлагают видеть его специфику не в особой роли информации, не в появлении новых информационных технологий, а в иных аспектах общественной жизни. Например В.Л. Иноземцев считает, что неправомерно обозначать тот или иной тип общественного устройства или этап общественного развития лишь исходя из его экономических или технологических характеристик. «На наш взгляд, — пишет он, — исследователи, возвещающие становление постиндустриального, технотронного, информационного общества подобными определениями лишь будоражат сознание читателя... Ни в прошлом, ни в будущем общество не может быть адекватно определено без обращения к его внутренним, сугубо социальным связям и отношениям...» [7. С. 562]. В общем виде с подобными рассуждениями нельзя не согласиться. Однако, представляется, определение-эпитет «информационное», примененное к современному обществу, включает не только указание на технологию или экономическую специфику, а имеет более широкий культурный смысл. Поэтому не совсем правомерно помещать его в одном логическом ряду с эпитетами «технотронное», «постиндустриальное».

Некоторые авторы используют для обозначения современного этапа развития цивилизации термин «постмодерн». Вероятно, он привлекает именно своей малой содержательностью, а следовательно, тем, что позволяет вносить самое разное содержание. В частности, Л.А. Мясникова использует термин «общество постмодерна» при анализе современности, не столько фиксируя ее отличия от более ранних этапов развития буржуазной формации, сколько указывая на моменты, для них общие [13]. Этот автор справедливо отмечает, что многие фундаментальные характеристики капитализма, и прежде всего — отношения собственности, — остаются незыблемыми, а качественное отличие информационной цивилизации от доинформационной во многом лишь кажущееся. Можно полностью согласиться, что сегодня «главным ресурсом развития продолжает оставаться

энергия, — в адекватной «информационной оболочке», — а не просто «голая информация» [13. С. 12], согласиться и с тем, что «вуалирование и размывание отношений собственности выступает как важнейшая тенденция постмодерна, вписывающаяся в «философию симулякров», т.е. эквивалентов понятий и ценностей натурального мира» [13. С. 14]. Более того, противоречие между трудом и капиталом, подробно проанализированное в классическом марксизме, становится все острее. Об этом говорят данные официальной статистики. Несмотря на их противоречивость и даже противоречивость, все они показывают нарастание социального неравенства, углубление поляризации общества. В этом аспекте в начале XXI века мир предстает значительно более несправедливым, чем, скажем, полстолетия назад. За последние 15 лет доход на душу населения понизился более чем в ста странах. Более шестидесяти стран сократили потребление на душу населения. Экономические показатели социального неравенства в современном мире усугубляются показателями неравенства информационного. Появилось понятие *информационной бедности*, которое выражает изолированность огромной части человечества от новых благ информационной эпохи. Статистика в этом вопросе не менее красноречива. На Южную Азию, где проживает 23% населения мира, приходится лишь 1% пользователей сети Интернет [19. С. 22]. В докладе ООН за 1999 год под названием «Глобализация с человеческим лицом» приводится такая красноречивая динамика. Если в 60-е годы XX века разрыв между самыми богатыми и самыми бедными людьми был тридцатикратным, то в 1990 году он составил соотношение 1 : 60, а в 1997 году — 1 : 74 [20. С. 8].

Существуют и такие новые признаки современного общества, которые весьма существенны для жизни людей, но не связаны напрямую со спецификой информационных процессов. К ним относятся продолжающийся и углубляющийся экологический кризис, демографический взрыв, угроза мировой термоядерной войны — то, что в литературе квалифицируется как основные глобальные проблемы человечества. В сфере экономики к таким новым, невиданным в истории чертам относится размывание государственных границ, перенос «центра тяжести» экономической жизни на транснациональные корпорации (ТНК) [12. С. 148—157]. Иными словами, противоречия современного общества, его «лицо» и качественное своеобразие отнюдь не исчерпываются тем, что оно является информационным. Оно по-прежнему остается буржуазным, основанным на эксплуатации как людей, так и природы, несправедливым и т.п. Но дело заключается в том, что именно наличие в обществе СМИ и СМК, а так же информационных технологий, включая распространение в нем компьютерных сетей, существенно влияет на все прочие стороны и особенности социальной жизни, а также придает качественное своеобразие всем «старым» противоречиям, требует рассматривать их принципиально по-новому. Этого не отрицают и авторы цитированных выше работ. В частности, Мясникова показывает, как изменяет информационная реальность форму реальной власти. «Морфология сетей, — пишет она, — обеспечивает принципиально новый подход к власти через «владение рубильником» сетей, т.е. фактически создаются виртуальные государства с анонимной властью.

При этом концепция суверенного государства теряет смысл» [13. С. 10]. Столь же радикально в эпоху информационного общества изменяются способы и масштабы идеологического воздействия, качества личности, характер связей между людьми на всех уровнях.

Информационное общество обнаруживает в самой своей специфике два противоположных варианта дальнейшего развития, два альтернативных «сценария» будущего, а если говорить на языке *философских* категорий — две реальных возможности, обнаруживающихся в актуальной действительности. Первая возможность — оптимизация всех сторон социальной жизни, разрешение существующих противоречий, более комфортное, гуманное, безопасное существование большинства людей. Такая возможность не исключает, а предполагает новые социальные и технологические противоречия, но в целом означает продвижение к более справедливому и благополучному миру. В пользу оптимистического прогноза говорят общеизвестные социологические данные: рост численности населения, снижение детской смертности, увеличение продолжительности жизни, гуманизация законодательств большинства государств, постепенное преодоление голода и нищеты, распространение образования. Теоретическими же основаниями для оптимизма во взгляде на перспективы информационного общества выступают идеи о том, что адаптация посредством культуры более эффективна, нежели адаптация посредством природных средств и способов. Информационное общество как общество, в котором культура еще более, чем в предыдущие эпохи, превалирует над природным миром, вследствие этого оказывается более приспособленным для адаптации к последующим изменениям реальности. Такой точки зрения придерживаются, например, Верещагин и Ясенко. Давая свой прогноз развития информационной цивилизации, они утверждают: «Если биологическая универсальность человека заключается в приспособленности к любой экологической нише на планете, то универсальность человека в целом заключается не только в том, что он самосознающий и чувствующий субъект, а в том, что он является предметно-действующим существом. Превращая природное в социальное, человек утверждает себя как универсальное адаптивное существо» [4. С. 41].

Основания для пессимистического прогноза развития информационного общества также существуют. Они заключаются в таких наблюдаемых непосредственно его чертах, как нарастание объемов информации и развитие стрессовых состояний больших масс людей, появление новых соматических и психических заболеваний, появление новых форм преступной деятельности и прочих форм девиантного поведения, высокий удельный вес конформизма в массовом сознании, возрастание возможностей для манипуляции сознанием. Теоретические основания для пессимизма в данном вопросе — это известное положение о нарастании неустойчивости системы по мере возрастания уровня сложности. Ряд современных авторов считает, что «при противоборстве с неинформационным обществом более передовое информационное оказывается менее гибким и адаптивным и, следовательно, менее жизнеспособным, хотя и более сильным» [11. С. 201]. Действительно, такие общеизвестные примеры масштабных социально

опасных последствий информационного характера нашей цивилизации, как анонимная террористическая атака на США 11 сентября 2001 года или взломы компьютерных кодов оборонных или банковских систем, дают основания для приведенных опасений. С позиций синергетики картина информационного общества предстает как чреватая конфликтами, как «неравновесное состояние» системы. «Всякая сложная организация хрупка, существует на краю хаоса, — говорит Е.Н. Князева. Следующий шаг ее усложнения и «улучшения» ее организации может привести к ее развалу» [9]. Вопрос о том, какими могут быть конкретные формы перехода от порядка к хаосу, по определению не имеет ответа. Однако в настоящее время нет оснований утверждать, что эти моменты нарастания хаоса не будут иметь лишь локального характера по отношению к современному человечеству в целом. Очевидно лишь одно: уже сейчас общественной системе необходимы новые действенные средства и формы борьбы с нарастанием хаоса в локальных масштабах (антропогенные и техногенные катастрофы, спонтанные проявления насилия и т.п.) В перспективе же для человечества существует проблема борьбы с нарастанием хаоса в глобальном масштабе. Для того чтобы справиться с этой проблемой, потребуются, безусловно, объединенные усилия невиданных масштабов. Чем раньше и глубже человечество осознает эту перспективу, тем больше вероятности, что оно сможет справиться со столь грандиозной задачей. Уже в силу этого ясно, что готовить массовое сознание к взрослому, ответственному отношению к реальности необходимо и что установка на гедонизм, эгоцентризм убийственна для отдельной культурной системы и для культуры как мира людей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М., 1999.
- [2] Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1988.
- [3] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000.
- [4] Верецагин В.Ю., Ясменко М.К. Информационно-культурный адаптациогенез: антропологическое измерение. — Ростов н/Д, 2001.
- [5] Громов Г.Р. Очерки информационной технологии. — М., 1993.
- [6] Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология: Межвузовский сборник. — СПб., 1997.
- [7] Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества. — М., 1999.
- [8] Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998.
- [9] Князева Е.Н. Синергетическое видение креативности человека. Грани научного творчества [Электронный ресурс] / Под ред. А.С. Майданов. Режим доступа: <http://philosophy.ru/phras/library/mai/grany.html#knyzeva>
- [10] Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. — Н. Новгород, 1994.
- [11] Многомерный образ человека // Н.Н. Авдеева, И.И. Ашмарин, В.Г. Борзенков и др. — М., 2001.
- [12] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации путь разума. — М., 2000.
- [13] Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. — 2002. — № 7.

- [14] *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. — М., 1991.
- [15] *Рейман Л.Д.* Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. — 2001. — № 3.
- [16] *Розин В.М.* Философия техники. — М., 2001.
- [17] *Романов О.В.* Философия Интернет. — Самара, 2003.
- [18] *Туровский М.Б.* Предыстория интеллекта. — М., 2000.
- [19] *Уткин А.И.* Богатые и бедные // Философские науки. — 2001. — № 1.
- [20] *Федотова В.Г.* Российское развитие в условиях глобализации // Философские науки. — 2001. — № 1.
- [21] *Chaisson E.* Credo: Our Cosmic Heritage // *Zygon*. — 1988. — Vol. 23. — № 4, Dec.
- [22] *Masuda Y.* The Information Society as Postindustrial Society. World Future Society. — Wash., 1983.
- [23] *Nora S. Minc A.* The Computerization of Society. A Report to the President of France. — Cambr. L., 1980.